

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1874 г.

ТОМЪ ХІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49 — 2).

1874.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ

въ Персіи и на Кавказѣ.

1818—1828.

Пребыванію въ Персіи и служенію на Кавказѣ, въ одну изъ самыхъ героическихъ эпохъ нашего владычества въ этомъ краѣ, А. С. Грибоѣдовъ, безъ сомнѣнія, посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Взявъ этотъ именно періодъ его дѣятельности предметомъ настоящей статьи, я начну съ того, что рассказъ мой далеко не представитъ той полноты, какой читатель, судя по выставленному заглавію, былъ бы вправѣ отъ него требовать; онъ имѣетъ цѣлью не болѣе какъ сообщеніе лишь нѣкоторыхъ свѣдѣній объ Александрѣ Сергѣевичѣ, въ дополненіе къ тѣмъ матеріаламъ, изъ которыхъ, рано или поздно, должна создаться полная, достойная его, біографія.¹⁾

Источниками при составленіи настоящей статьи мнѣ служили, какъ официальные документы, такъ и устные сообщенія, равно письма Карла Ѳедоровича Аделунга—одной изъ жертвъ извѣстной тегеранской катастрофы.²⁾ Письма эти, числомъ 20, обяза-

---

¹⁾ См. «Русскую Старину»: «Воспоминанія о Грибоѣдовѣ» П. Каратыгина; т. V, 423—430; изслѣдованіе объ убіеніи Грибоѣдова, состав. А. П. Берже, т. VI, 163—207; донесеніе Грибоѣдова о поѣздкѣ въ Персидскій лагерь въ 1827 г., т. VII, 799—814; біографическій очеркъ по подлиннымъ письмамъ Грибоѣдова, т. X, 152—275 и проч. Ред.

²⁾ Считаю не лишнимъ привести здѣсь письмо Ивана Сергѣевича Мальцова къ отцу Аделунга, сообщающее объ убіеніи послѣдняго:

Monsieur. Je viens de recevoir la lettre que Vous m'avez fait l'honneur de m'adresser en date du 23 avril dernier. Vous voulez que je Vous parle de mon malheureux compagnon de service, Vous voulez que je vienne ouvrir une plaie

тельно сообщенныя мнѣ Н. П. Кепшеномъ, племянникомъ убитаго, писаны между 6-мъ іюня и 1-мъ декабря 1828 года и заключаютъ въ себѣ, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о путешествіи Александра Сергѣевича въ Персію, въ качествѣ полномочнаго министра при тамошнемъ дворѣ.

I.

А. С. Грибоѣдовъ, оставивъ военную службу, опредѣлился, какъ извѣстно, въ 1817 году, съ чиномъ губернскаго секретаря, въ иностранную коллегію, гдѣ получили должность переводчика.

que le temps n'a pu encore guérir: je Vous obéis, quoique avec le sentiment de la plus profonde douleur je vais rappeler des souvenirs qui déchirent mon cœur.

M-r Charles Adelung Vous a adressé des lettres 4 à 5 jours avant son départ pour Téhéran; il a fait depuis le voyage avec nous, et était à la veille de son retour à Tauris, lorsque la catastrophe la plus horrible Vous a pour toujours privé d'un fils infortuné. C'est en vain que j'ai cherché à me procurer des notions sur son trépas; tout ce que j'ai pu apprendre, c'est qu'il avait cherché un refuge dans le bain de notre hôtel et qu'il y avait été poignardé. Ses effets ainsi que ses papiers, tout a été compris dans le pillage de notre maison.

J'ai accompli, Monsieur, la tâche que Vous m'avez imposée. Vous ne sauriez croire combien il m'a été pénible de Vous entretenir sur un sujet aussi affreux, mais peut-être le cœur d'un père trouvera-t-il de la consolation à voir sa douleur partagée.

Agrérez, Monsieur, l'assurance etc.

Tiflis, le 15 mai 1829.

(Переводъ). «Я только что имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 23-го прошлаго апрѣля (1829 г.) Вы хотите, чтобы я сообщилъ вамъ о моемъ несчастномъ сослуживцѣ; чтобы я снова раскрылъ рану, которую время еще не успѣло залечить. Я исполняю волю вашу, хотя съ чувствомъ глубокой скорби обращаюсь къ воспоминаніямъ, раздражающимъ мое сердце.

«Карлъ Аделунгъ писалъ къ вамъ за 4 или за 5 дней до выѣзда въ Тегеранъ. Совершивъ это путешествіе вмѣстѣ съ нами, онъ былъ уже готовъ возвратиться въ Тавризъ, какъ ужаснѣйшая катастрофа навсегда лишила васъ злополучнаго сына. Я тщетно старался добыть какія-либо подробности о его смерти; все, что мною узнато, заключается въ томъ, что онъ искалъ спасенія въ банѣ, при посольскомъ домѣ, гдѣ и палъ подъ ударами винжаловъ. Вещи его, а равно бумаги, все было похищено при разграбленіи нашего дома.

«Я исполнилъ ваше требованіе. Вы не повѣрите, какъ мнѣ было тяжело говорить съ вами о столь ужасномъ предметѣ; но, быть можетъ, родительское сердце найдетъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что и другіе раздѣляютъ его горе».

Тифлисъ, 15-го мая 1829 годѣ.

Званіе это онъ сохранилъ, впрочемъ, ненадолго, такъ какъ около половины 1818 года былъ опредѣленъ секретаремъ при С. И. Мазаровичѣ, тогда же назначенномъ повѣреннымъ въ дѣлахъ нашихъ въ Персіи. Кромѣ Грибовдова, въ составу миссіи былъ причисленъ и актуаріусъ Амбургеръ. Первое извѣстіе о назначеніи миссіи было получено генераломъ А. П. Ермоловымъ отъ графа Нессельроде, который, въ отношеніи отъ 16-го іюля 1818 г., между прочимъ, писалъ:

«Кромѣ сихъ чиновниковъ, назначено быть при означенномъ постѣ переводчику для языковъ восточныхъ. Хотя таковаго, по мнѣнію Мазаровича, можно найти и въ Грузіи, но онъ предпочтительно желалъ бы, чтобы оный выписанъ былъ изъ Константинополя, для того, что съ познаніемъ восточныхъ языковъ таковой переводчикъ соединялъ бы знаніе европейскихъ,—и вообще имѣлъ бы болѣе свѣдѣній, которыхъ въ жителяхъ Грузіи предполагать нельзя. Сверхъ сего, Мазаровичъ считаетъ необходимымъ имѣть двухъ довѣренныхъ людей изъ грузинъ или армянъ, изъ коихъ одинъ находился бы при наслѣдникѣ персидскаго престола въ то время, когда повѣренному въ дѣлахъ нужно будетъ имѣть пребываніе при шахѣ; другой—долженъ основать свое пребываніе въ Буширѣ или Ширазѣ. Первый—будетъ ему сообщать свѣдѣнія обо всемъ, что принадлежитъ до политической части; посредствомъ втораго—можетъ онъ получать извѣстія о торговыхъ оборотахъ и вообще о поступкахъ, намѣреніяхъ и видахъ англичанъ, которые въ Буширѣ, яко въ средоточіи всей персидской торговли, имѣютъ свои факторіи.

«Его императорское величество, одобревъ сіи предположенія, высочайше повелѣтъ соизволилъ: избраніе переводчика и двухъ довѣренныхъ людей, равнымъ образомъ и назначеніе имъ приличнаго жалованья, предоставить вашему высокопревосходительству съ тѣмъ, чтобы вы, какъ нынѣ, такъ и впредь, изволили дѣлать нужныя по сему предмету распоряженія по сношенію съ Мазаровичемъ».

Документъ этотъ не лишенъ интереса: благодаря ему, мы знакомимся съ людьми, среди которыхъ приходилось жить Грибовдову, а равно и тѣми отношеніями, которыя установились между нашею миссіею и главноуправляющимъ въ Грузіи.

Съ прибытіемъ въ Персію, миссіа наша, послѣ недолгаго пре-

быванія въ Тегеранѣ, основалась въ Тавризѣ, — резиденціи наслѣдника престола Аббас-мирзы, руководившаго внѣшнею политикою государства, мало озабочивавшаго его родителя Фетх-Алишаха, который среди своего обширнаго гарема, такъ сказать, утопалъ въ самыхъ изысканныхъ чувственныхъ наслажденіяхъ, поглощавшихъ весь досугъ, все существо владыки Ирана — «средоточія вселенной».

Живя въ Тавризѣ, Александръ Сергѣевичъ всецѣло отдался службѣ и изученію персидскаго языка, на которомъ впоследствии объяснялся довольно свободно. Знаніемъ же его въ совершенствѣ онъ никогда похвалиться не могъ, и если противоположное мнѣніе успѣло утвердиться въ Россіи, то оно при зрѣломъ обсужденіи не выдерживаетъ критики. Для основательнаго, всесторонняго знакомства съ языкомъ, какъ извѣстно, требуется, кромѣ умѣнья говорить, и полное фундаментальное изученіе его по твореніямъ народныхъ поэтовъ и писателей; другими словами, требуется ни болѣе, ни менѣе какъ знаніе персидской литературы, а для достиженія такого знанія любому европейцу пришлось бы посвятить несравненно большее число лѣтъ, чѣмъ это удалось Грибоѣдову.

Коснувшись этого предмета съ исключительною цѣлью возстановленія истины, безъ всякихъ прикрасъ, скажемъ, что въ отношеніи изученія нравовъ и характера народа, Александръ Сергѣевичъ ушелъ гораздо далѣе и рѣдко ошибался. Успѣвъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, расположить къ себѣ персіянъ, онъ пользовался и особеннымъ благоволеніемъ Аббас-марзы, хотя послѣдній подчасъ и допускалъ дерзкое съ нимъ обращеніе, которое Грибоѣдовъ, однакоже, всегда умѣлъ сдерживать въ должныхъ границахъ. Такой случай вышелъ, напримѣръ, при взаимныхъ объясненіяхъ ихъ по дѣлу о возвращеніи нашихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ, въ которомъ Грибоѣдовъ принималъ, можно сказать, горячее участіе. Вотъ что по этому поводу Алексѣй Петровичъ Ермоловъ писалъ въ Мазаровичу отъ 11-го ноября 1819 г.:

«Секретарь миссіи, Грибоѣдовъ, подробно объяснилъ мнѣ, какихъ стоило вамъ затрудненій возвратить въ отечество взятыхъ въ плѣнъ и бѣглыхъ солдатъ нашихъ, и я, обязанъ будучи благодарить за освобожденіе ихъ, долженъ съ особеннымъ уваженіемъ обратиться къ твердости вашей, которою заставили вы пер-

сидское правительство склониться на справедливое требованіе ваше. Въ странѣ, гдѣ отправляете вы столько трудную должность, изъ многихъ обстоятельствъ вижу я, что не всегда выгодно имѣть право на своей сторонѣ, и что достоинство, которое придаете вы дѣйствіямъ вашимъ, рѣшаетъ въ пользу вашу.

«Могу увѣрить васъ, что люди, обязанные свободою великодушнымъ усиліямъ вашимъ, по данному вами имъ обѣщанію, воспользуются не только прощеніемъ, но и приѣмомъ благосклоннымъ, въ разсужденіи чего еще до прибытія ихъ въ Грузію сдѣлано мною распоряженіе и выдано денежное вспомоствованіе.

«При семъ случаѣ пріятно мнѣ замѣтить попеченіе Грибоѣдова о возвратившихся солдатахъ, и не могу отказать ему справедливой похвалы въ исполненіи возложеннаго вами на него порученія, гдѣ благороднымъ поведеніемъ своимъ вызвалъ неблаговоленіе Аббас-мирзы и даже грубости, въ которыхъ не менѣе благородно остановилъ его, давъ ему уразумѣть достоинство русскаго чиновника».

II.

Коварная политика, которой Персія продолжала держаться въ отношеніи насъ, и покровительство, оказываемое ею враждебнымъ намъ бѣглымъ ханамъ Дагестана и нашихъ закавказскихъ владѣній, въ связи съ нескончаемыми заботами по разнымъ вопросамъ, остававшимся нерѣшенными со времени заключенія Гюлистанскаго трактата (1813 г.), ставили миссію нашу въ положеніе далеко не завидное. Дѣла было много, и Грибоѣдову некогда было думать о занятіяхъ внѣслужебныхъ, а тѣмъ еще менѣе въ тѣхъ случаяхъ; когда Мазаровичъ отлучался изъ Тавриза и Александръ Сергѣевичъ оставался одинъ лицомъ къ лицу съ Аббас-мирзою и окружающими его вельможами, мало намъ доброжелательными. Несмотря, однакоже, на все это, дѣятельность молодого секретаря нашей миссіи, если и не всегда достигавшая цѣли, отличалась тѣмъ благоразуміемъ и тактомъ, которые не могли не вызывать полного одобренія со стороны Ермолова. Высказываясь нерѣдко въ этомъ смыслѣ въ своей перепискѣ съ нимъ, Алексѣй Петровичъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ и свой взглядъ на тотъ образъ дѣйствія, какового мы должны были

держаться въ сношеніяхъ нашихъ съ Персіей. Обращикомъ подобнаго взгляда, а также краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ мнѣнія Ермолова объ измѣнившихъ намъ и передавшихся персіанамъ ханахъ и поведеніи относительно насъ самого Аббас-мирзы, можетъ служить слѣдующее его письмо къ Грибоѣдову, помѣченное 29-мъ сентября 1820 года:

«Депешою отъ 18-го (30-го) сентября, вы сообщили мнѣ много полезныхъ извѣстій. Мнѣ столько же пріятно уважать дѣятельность вашу по службѣ, какъ и благоразуміе, которымъ вы оную сопровождаете. Благодаря васъ, я нахожу нужнымъ объясниться по нѣкоторымъ предметамъ.

«Сурхай-ханъ,¹⁾ Мустафа-ханъ²⁾ и прочая каналья, благосклонно принимаемая наслѣдникомъ, точно должна заставить его стыдиться по крайней мѣрѣ заблужденія своего, что такъ долго она почитаема была вредною Россіи. Къ подобнымъ неприличнымъ поступкамъ, вы, какъ ближайшій оныхъ свидѣтель, должны были сдѣлать привычку; во мнѣ производятъ они негодованіе, но вскорѣ и я буду умѣть презирать ихъ.

«Если вся сія бѣглецовъ сволочь будетъ выставлять опасности, которыя она преодолѣла, чтобы предать себя въ великодушное покровительство наслѣдника, увѣрьте сего послѣдняго, что никто не останавливалъ ихъ и что, напротивъ, я надѣюсь умножить число взыскующихъ его благодѣянія. Недавно съ неудовольствіемъ отозвался я къ одному изъ начальниковъ, что Ших-Али-хану,³⁾ уже при самой Курѣ бывшему, воспрепятствовалъ побѣгъ въ Персію, что впредь не будетъ дѣлаемо съ намѣреніемъ. Нигдѣ съ бѣльшимъ приличіемъ не можетъ бѣглецъ сей быть принятъ, какъ при лицѣ наслѣдника, который, называя его слугою Ирана, себя обязаннымъ вчитаетъ вспомошествовать ему. Письмо мое

¹⁾ Сурхай-ханъ хамбутаи Казикумухскій, человекъ самый коварный. Онъ пользовался въ Дагеставѣ особеннымъ уваженіемъ, благодаря древнему происхожденію своего рода и не переставалъ возмущать лезгинъ, участвуя во всѣхъ враждебныхъ ихъ предпріятіяхъ противъ насъ. Послѣ разбитія его княземъ Мадатовымъ, 12-го іюня 1820 года, около Хозрека, онъ спусти мѣсяць бѣжалъ въ Персію. А. В.

²⁾ Мустафа-ханъ Ширванскій. Онъ бѣжалъ, въ августѣ 1820 года, въ Персію, куда за нимъ послѣдовалъ, въ ноябрѣ 1822 года, и Мехти-Кули-ханъ Карабагскій. Въ обоихъ хацствахъ тогда же было введено русское управленіе. А. В.

³⁾ Ших-Али-ханъ Дербентскій и Кубинскій. А. В.

въ его высочеству, чрезъ мирзу Максуда посланное и въ копіи у сего препровождаемое, покажетъ вамъ отзывъ мой на счетъ онаго. Наслѣднику съ приличнымъ уваженіемъ не бесполезно объяснить, что въ то самое время, какъ мирза Максудъ присланъ ко мнѣ расточать увѣренія въ искренней дружбѣ и добромъ согласіи, Сурхай-ханъ и Мустафа-ханъ принимаются съ уваженіемъ въ Тавризѣ; что его высочеству прямыми поступками легче обладать привязанностью и истиннымъ уваженіемъ русскихъ, нежели одного меня обольстить пустыми увѣреніями.

«Мирза Максудъ представлялъ мнѣ великодушнѣйшимъ дѣломъ наслѣдника, что не взялъ онъ участія въ замѣшательствахъ Имеретин и Гурин. Нельзя предполагать, чтобы неизвѣстно было ему, что Персія съ сими мѣстами не граничитъ; пособіе же деньгами столько же было бы дѣйствительно, какъ и въ Дагестанѣ.

«Старайтесь опровергнуть лживый слухъ, будто бы чиновникъ Мамед-Али-мирзы ¹⁾ при мнѣ находился, что, впрочемъ, быть никогда не можетъ, ибо таковой поступокъ былъ бы явнымъ нарушеніемъ трактата, который мы свято соблюдаемъ.

«Мирза-Абуль-Хасан-ханъ ²⁾ велъ себя здѣсь весьма благороднымъ образомъ и показывалъ себя весьма чувствительнымъ къ милостивому вниманію императора. Съ согласія моего, онъ передалъ наслѣднику мой неудовольствія: это не мало отъ персіянина!

«Насчетъ Мехти-Кули-хана Карабагскаго скажу вамъ, что поведеніемъ его правительство довольно и что весьма сомнительно, чтобы онъ, не имѣя никакихъ отъ него неудовольствій, хотѣлъ промѣнять свое состояніе на ежедневную прогулку босыми ногами по каменному помосту двора его высочества. Въ этомъ доселѣ не полагалъ онъ большаго счастья...

«Между разговоровъ объясните наслѣднику, что Вахтангъ, называющійся царевичемъ Имеретинскимъ, есть незаконный сынъ побочнаго сына царскаго, и что справедливо удивленъ я былъ, что можетъ подлый мошенникъ, бунтовавшій противъ правитель-

¹⁾ Сынъ Фетх-Али-шаха. Онъ былъ правителемъ Кирманшаха и находился въ постоянной враждѣ съ Аббас-мирзою. А. В.

²⁾ Мирза-Абуль-Хасан-ханъ—совѣтникъ тайныхъ дѣлъ персидскаго двора и ханъ 2-го класса, былъ отправленъ въ 1814 году чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургъ. А. В.

ства, осмѣлится писать къ наслѣднику государства и надѣяться, что наслѣдникъ, сверхъ того, будетъ говорить съ подателемъ письма, которому поручилъ онъ пересказать о происшествіяхъ въ Имеретіи. Сіе означено въ послѣдней строкѣ письма Вахтанга, о чемъ, по незнанію грузинскаго языка, мирза Максудъ не имѣлъ понятія.

«Въ заключеніе скажу вамъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ относительно Персіи должны мы быть руководимы прямою и твердостью и поведеніе наше должно имѣть основаніемъ точное и строгое соблюденіе трактата. Вижу изъ бумагъ, что поступки ваши, въ отсутствіе повѣреннаго въ дѣлахъ, во всемъ благоразумно согласованы съ сими правилами, и мнѣ остается только принести вамъ справедливую похвалу».

Вотъ это любопытное письмо А. П. Ермолова къ Аббас-мирзѣ, помѣченное 26-мъ сентября 1820 года:

«Благоурожденный мирза Максудъ доставилъ мнѣ письмо, коимъ вашему высочеству угодно было меня удостоить, и при томъ сообщилъ наставленія, полученныя отъ вашего высочества, какъ со мною долженъ онъ объясниться.

«Не смѣю сомнѣваться, чтобы не было противно правиламъ и отличнѣмъ добродѣтелямъ вашего высочества поведеніе царевича Александра, ¹⁾ но я хотѣлъ, чтобы извѣстно было, что бѣглець сей, благодѣтельствуемъ будучи наслѣдникомъ Персіи, осмѣливается разбойническимъ образомъ возмущать народы сосѣдственной и дружественной державы. Не могу думать, чтобы въ Тавризѣ неизвѣстна была печать его и что для того нужно произведеніе изслѣдованія.

«О Ших-Али-ханѣ сужденіе таково, что съ нимъ весьма немногіе согласятся, развѣ только люди, повинующіеся фирману вашего высочества. Давать жалованье нуждающемуся великодушно, но, конечно, не тому, который возбуждаетъ безпокойства противъ державы дружественной. Жалованье не передается украдкою, но его можно явно передавать чрезъ самое начальство.

«Не знаю, какъ можно было бы разумѣть, еслибы россійское правительство давало тайнымъ образомъ жалованье въ Хорасанѣ?»

---

¹⁾ Сынъ царя Ираклія II и братъ Георгія XII, послѣдняго царя Грузіи.

Наименованіе Ших-Али-хана слугою можетъ быть угодно вашему высочеству и не признаваемо другими. Предмѣстникъ мой, генераль Ртищевъ, не могъ дать согласія на передачу ему жалованья, и до свѣдѣнія вашего высочества доведено о семъ неосновательно.

«Благорасположеніе и покровительство вашего высочества подобнымъ, не въ состояніи разумѣть люди не столько высокихъ добродѣтелей, какъ ваше высочество.

«О каймакамѣ¹⁾ я нахожу выгоднѣе молчать, ограничивая себя надеждою на великодушіе вашего высочества, что не будете почитать меня его пріятелемъ, а не быть ему равнымъ я самъ умѣю.

«Отсутствіе изъ Тавриза повѣреннаго въ дѣлахъ, Мазаровича, причиною, что умедлил я объясненіемъ готовности моей прекратить всякое неудовольствіе съ визиремъ Мирза-Абуль-Касумомъ, но объясненіе сіе препровождено и по оному вашему высочеству доложено будетъ.

«Ваше высочество изволили милостиво разсудить, что между визиремъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ никакого значущаго дѣла не произошло; столько же милостиво прошу простить меня, что я съ таковымъ сужденіемъ смѣю быть несогласнымъ, ибо оставитъ курьеровъ россійской державы и посадитъ ихъ въ тюрьму, по общему мнѣнію, кажется дѣломъ довольно значущимъ. Послѣ того остается только лишать жизни!

«Съ должнымъ уваженіемъ принялъ я волю вашего высочества, въ рассужденіи назначенія границъ, и далъ по сему предмету наставленіе Мазаровичу.

«Прочими объясненіями не смѣю занимать вниманіе вашего высочества, отвлекать его отъ дѣлъ, которыми устрояется счастье народовъ.

«Волю великаго государя моего исполняю: шага не дѣлаю противнаго дружбѣ и счастливому согласію обѣихъ державъ и въ тому строго храню правило доказывать поведеніе мое дѣлами, а словами, ничего незначущими, не буду смѣть ваше высочество беспокоить.

«Бога всесильнаго, созидающаго славу царствъ и царствующихъ, прошу споспѣшествовать намѣреніямъ вашего высочества».

¹⁾ Мирза-Безюргъ, каймакамъ и дядька Аббас-мирзы.

Нѣсколько позже, а именно 18-го октября того же 1820 г., Алексѣй Петровичъ писалъ къ Грибовдову, по поводу царевича Александра, слѣдующее:

«Препровождаю у сего письмо для доставленія Аббас-мирзѣ и для свѣдѣнія вашего копію съ онаго. Подозрѣвая, что не прочтываются ему письма сіи, прошу отдать ему лично. Если же бы слухъ, до меня дошедшій, оказался справедливымъ, что подлому бѣглецу царевичу воспрещено жить въ Даралагѣзѣ и что будто назначено ему пребываніе въ отдаленномъ мѣстѣ, тогда нѣтъ нужды отдавать ему письма, но только сообщите о происшествіи словесно, требуя о прекращеніи разбоевъ и вразумительно объяснивъ ему, что если позволю я себѣ способы укрощать оныя, то не только будетъ его высочеству непріятно, но даже и невыгодно. Старайтесь истолковать ему, что соблюденіе трактата необходимо для его пользы, что со стороны нашей исполненъ оный даже до самаго признанія его наслѣдникомъ и что невыгодно ему заставить насъ жалѣть о томъ, паче же дать то чувствовать подданнымъ, надъ которыми собирается онъ владычествовать».

III.

Денежныя обстоятельства Грибовдова во все это время были весьма неблестящи и ограничивались, надо думать, однимъ жалованьемъ по должности. Если же онъ что и получалъ изъ дому, то помощь эта была слишкомъ ничтожна, чтобы покрыть тѣ расходы, которые были неизбѣжны при его сравнительно роскошной жизни въ Тавризѣ. Тоже испытывалъ Амбургеръ и самъ Мазаровичъ. Вотъ что послѣдній писалъ, отъ 15-го декабря 1820 г., къ Ермолову:

(Переводъ)... «Позвольте мнѣ, генераль, почтительнѣйше васъ просить объ одной милости въ отношеніи обоихъ моихъ чиновниковъ: Грибовдова и Амбургера. Положеніе ихъ дѣйствительно жестокое. Они задолжали около 600 червонцевъ, и я не могу сказать, чтобы бросали деньги зря; не получая никакой награды, они имѣютъ основаніе страшиться того же исхода, вакой постигъ и меня. Не можете-ли вы, уважаемый генераль, оказать имъ помощь? Я былъ бы вамъ много признателенъ. Соболагодолите написать къ нимъ отъ себя нѣсколько словъ въ утѣшеніе при на-

стоящемъ ихъ положеніи, но сдѣлайте это такъ, умоляю васъ, какъ бы я ничего вамъ не сообщалъ....»¹⁾

Между тѣмъ, успѣшныя дѣйствія нашей миссіи не могли не побудить Ермолова, еще въ 1819 году, просить черезъ графа Нессельроде объ удостоеніи чиновъ ея, и въ томъ числѣ Грибоѣдова, высочайшей награды чрезъ повышеніе чиномъ. Но представленіе это, какъ равно и послѣдовавшее повтореніе, не только не было уважено, но даже не удостоено отвѣта. Обстоятельство это до того огорчило Алексѣя Петровича, что онъ не вытерпѣлъ, чтобы не отнестись къ Павлу Гавриловичу Дивову отъ 5-го декабря 1820 года, въ слѣдующихъ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ:

«Октября отъ 18-го числа прошедшаго года, дѣлалъ я представленіе мое графу К. В. Нессельроде объ исходатайствованіи награжденія чинами служащихъ при миссіи въ Персіи: секретаря титулярнаго совѣтника Грибоѣдова, переводчика по арміи подпоручика Бегларова, актуариуса Амбургера и прапорщика Лорис-Меликова. Повторилъ представленіе мое сего года мая отъ 4-го дня, но ни на то, ни на другое не имѣю отвѣта и не знаю причины, по коей справедливо испрашиваемая трудящимся награда отказывается. Позвольте, ваше превосходительство, обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею моею о томъ просьбою и смѣтъ надѣяться на благосклоннѣйшее вниманіе къ моимъ представленіямъ, ибо не дѣлаю я таковыхъ иначе какъ о служащихъ ревностно и достойныхъ и не умѣю быть равнодушнымъ, когда начальство ихъ не уважаетъ».

Прошелъ послѣ того еще годъ, а Грибоѣдовъ награжденія все не удостоивался. Тогда Алексѣй Петровичъ рѣшился снова обратиться къ посредничеству графа Нессельроде и на этотъ разъ ходатайство его было уважено.

---

¹⁾ (Подлинникъ)... Permettez moi, mon Général, de Vous prier très-humblement d'une grâce, qui regarde mes deux employés: M-r Griboyedow et M-r Amburgher. Leur position est réellement cruelle. Ils sont endettés de presque six cent ducats et je ne puis pas dire qu'ils jettent leur argent en aveugles; ils ne reçoivent point de récompense et craignent avec raison d'avoir la même fin que moi. Pouviez Vous, mon respectable Général, venir à leur secours? Je Vous en aurais bien de remerciements à faire. Daignez leur écrire deux mots de Votre part pour les consoler un peu sur leur sort et faites en sorte, je Vous supplie, comme je ne Vous eusse rien dit...

«Позвольте, ваше сіятельство», писалъ онъ отъ 20-го ноября 1821 г., «въ прежнимъ представленіямъ моимъ присоединить поворнѣйшую просьбу о произведеніи въ слѣдующій чинъ секретаря при персидской миссіи, Грибоѣдова. Способности сего чиновника весьма полезны службѣ, и если прочіе удостоились награды, то ваше сіятельство, какъ начальника ихъ, смѣю увѣрить, что сей несравненно болѣе имѣетъ на то права. Онъ знаетъ хорошо и въ правилахъ персидскій языкъ и уже занимается въ переводѣ при Мазаровичѣ важнѣйшихъ бумагъ. Прошу всепокорнѣйше исходатайствовать ему всемилостивѣйшую награду, ибо, кромѣ заслугъ его, одно пребываніе между персіянами столь долгое время можетъ уже обратить на него вниманіе. Обратитесь благосклонно въ сравненію сихъ чиновниковъ съ тѣми, кои за одинъ годъ служенія въ Грузіи получаютъ въ награду чинъ, и мнѣ уже ненужно будетъ никакихъ другихъ убѣжденій».

Грибоѣдовъ находился въ это время въ Тифлисѣ, куда прибылъ съ извѣстіемъ «о началіи военныхъ дѣйствій между Персіей и Турціей, и дабы доставить нужныя поясненія по симъ, совершенно неожиданнымъ, происшествіямъ, такъ какъ и для того, чтобы получить наставленіе въ обстоятельствахъ, столь затруднительныхъ, паче послѣ отъѣзда посланника нашего¹⁾ изъ Константинополя, который въ Персіи истолкованъ былъ за разрывъ нашъ съ Портою». ²⁾

Но Александръ Сергѣевичъ уже не думалъ болѣе о возвращеніи въ Персію, а пожелалъ остаться при Ермоловѣ, охотно согласившемся исполнить его просьбу. Съ этою цѣлью онъ, отъ 12-го января 1822 г., отнесся къ гр. Нессельроде съ слѣдующимъ письмомъ, знакомящимъ насъ, между прочимъ, съ тѣмъ несчастнымъ случаемъ, который приключился Грибоѣдову на пути его слѣдованія изъ Тавриза въ грузинскую столицу, и любопытномъ въ томъ отношеніи, что рисуетъ будущую перспективу дѣятельности и занятій молодого дипломата, которую готовилъ ему при себѣ главноуправляющій, какъ видно, высоко цѣнившій его талантъ и способности.

«Секретарь миссіи нашей при тегеранскомъ дворѣ, титуляр-

¹⁾ Барона Григорія Александровича Строганова.

А. В.

²⁾ Изъ того же отношенія Ермолова къ гр. Нессельроде, отъ 20-го ноября 1821 г.

А. В.

ный совѣтникъ Грибоѣдовъ, на пути отъ Тавриза сюда, имѣлъ несчастіе переломить, въ двухъ мѣстахъ, руку, и, не нашедши нужныхъ въ дорогѣ пособій, долженъ былъ, по необходимости, обратиться къ первому, который могъ дать ему помощь, и оттого произошло, что, по прибытіи въ Тифлисъ, надлежало ему худо справленную руку переломить въ другой разъ. До сего времени почти не владѣя оною, не можетъ онъ обойтись безъ искуснаго врачеванія и, сихъ средствъ будучи совершенно лишеннымъ въ Персіи, никакъ не можетъ онъ туда отправиться.

«Съ сожалѣніемъ долженъ я удалить его отъ занимаемаго имъ мѣста, но зная отличныя способности молодого сего человѣка и желая воспользоваться приобрѣтенными имъ въ знаніи персидскаго языка успѣхами, я прошу ваше сіятельство поворнѣйше честь имѣю, опредѣлить его при мнѣ секретаремъ по иностранной части, ибо по оной не состоитъ при мнѣ ни одного чиновника и безъ такового, въ продолженіи столько времени, не безъ труда я обходился. Во-первыхъ, пользованіе находящимися здѣсь минеральными водами возвратитъ ему здоровье и онъ, при наклонности его къ изученію восточныхъ языковъ, начавъ уже заниматься арабскимъ языкомъ, какъ основаніемъ всѣхъ прочихъ, имѣетъ здѣсь все средство усовершенствовать свои познанія; во-вторыхъ, и что почитаю я главнѣйшимъ предметомъ, со временемъ ваше сіятельство можете препоручить ему заведеніе школы восточныхъ языковъ, на что не падите вы ни попеченія, ни издержекъ, но, по необходимости, должны заимствоваться свѣдѣніями иноземцевъ, и что безпрекословно полезнѣе ввѣрять природнымъ.

«Не смѣю я испрашивать большаго жалованья Грибоѣдову, какъ 200 червонцевъ, и хотя лишается онъ двухъ третей того, что получалъ доселѣ, но въ сему побужденъ я сравненіемъ съ прочими, при мнѣ служащими, чиновниками.

«На сіе имѣю я его согласіе, и ваше сіятельство усмотрѣвъ изволите, что одно разстроенное здоровье можетъ быть причиною, побуждающею его оставить мѣсто, въ которомъ васъ, какъ благосклоннаго начальника, обращалъ онъ на себя вниманіе и гдѣ удобнѣе могъ быть замѣченъ вами, оставить и большія несравненно выгоды, которыми онъ, по состоянію его, пренебрегать не можетъ».

IV.

Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ на Востокѣ, вдали отъ родныхъ и друзей, не могли не вызвать въ Александрѣ Сергѣевичѣ желаніе—побывать на родинѣ, чтобы пожить въ кругу ему близкихъ. Для этого онъ, въ 1823 г., сталъ проситься въ отпускъ. Получивъ разрѣшеніе, онъ отправился въ Москву и Петербургъ, откуда, послѣ 4-х-мѣсячнаго пребыванія, возвратился на Кавказъ.

Жизнь его въ Тифлисѣ ничѣмъ не отличалась отъ скромной жизни всякаго молодого и благовоспитаннаго человѣка. Поселившись на армянскомъ базарѣ, въ небольшомъ домѣ, въ которомъ занималъ верхній этажъ, состоявшій всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ, обращенныхъ окнами на сѣверъ, откуда открываются предгорья главнаго кавказскаго хребта, Грибоѣдовъ большую частью оставался у себя, одѣтый, по обыкновенію, въ туземномъ архалуѣ. Всегда и всѣми любимый, онъ посѣщалъ лучшіе семейные кружки тифлисцевъ, чаще же всего бывалъ у генерала Ховена¹⁾ и у вдовы генераль-маіора Ахвердова, гдѣ впервые увидѣлъ княжну Нину Чавчавадзе, сдѣлавшуюся впоследствии его женою.

У себя дома онъ находилъ лучшее развлеченіе въ отдѣлкѣ своей знаменитой комедіи или въ музыкѣ, благодаря фортепiano, почти единственному тогда въ городѣ, которое ему удалось приобрести у Николая Николаевича Муравьева, командира Эриванскаго полка, а впоследствии намѣстника кавказскаго.

Пребываніе въ Персіи впечатлѣло въ памяти Александра Сергѣевича не мало добрыхъ воспоминаній о народѣ, среди котораго онъ такъ много пережилъ и испыталъ. Онъ усердно про-

¹⁾ Генераль-маіоръ Романъ Ивановичъ Ховенъ, выпущенный, въ 1793 г., изъ сухопутнаго кадетскаго корпуса и опредѣленный поручикомъ въ Выборгскій пѣхотный полкъ, въ 1812 году произведенъ въ полковника и назначенъ комендантомъ въ Вильно; въ 1817 году пожалованъ въ генераль-маіоры съ назначеніемъ бригаднымъ командиромъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, а въ апрѣлѣ 1818 г. переведенъ въ грузинскій, что послѣ кавказскій, отдѣльный корпусъ, съ исправленіемъ должности грузинскаго гражданскаго губернатора,—званіе, которое онъ и несъ по 19-е іюля 1819 г. (См. предисловіе къ «Актамъ Кавказской Археографической Коммисіи», т. VI, ч. I, стр. IX и X.).

должалъ заниматься персидскимъ языкомъ, хотя и нельзя сказать, что онъ имѣлъ особенно хорошаго руководителя: это былъ содержатель одной изъ тифлисскихъ бань, котораго мусульмане называли Машади, по имени священнаго города Мешада,¹⁾ куда шиты совершаютъ пилигримство, а русскіе просто—Иваномъ Ивановичемъ, неизвѣстно въ силу какихъ соображеній.

Александръ Сергѣевичъ не всегда жилъ въ Тифлисѣ; онъ отлучался то въ ту, то въ другую сторону Кавказа, порою сопутствуя Ермолову, въ его поѣздкахъ на линію.

Въ маѣ 1824 г. онъ вторично отправился въ отпускъ, и на этотъ разъ отсутствіе его продолжалось около года.

Но вотъ въ Петербургѣ разыгралось дѣло декабристовъ; гроза эта не могла миновать Грибоѣдова по весьма понятнымъ причинамъ, о коихъ здѣсь распространяться не мѣсто. Ермоловъ получаетъ экстренную депешу выслать его въ Петербургъ, со всѣми бумагами, какія могли бы быть при немъ найдены. Но, къ счастью, никакихъ компрометирующихъ бумагъ не оказалось, благодаря тому предупрежденію, какое сдѣлалъ Грибоѣдову Ермоловъ въ моментъ полученія имъ бумаги. Какъ не сказать, что этимъ, въ высшей степени гуманнымъ, дѣяніемъ послѣдній оказалъ всей мыслящей Россіи неоцѣнимую, можно сказать бессмертную, услугу, спасши чрезъ то творца комедіи, составляющей гордость и славу русской литературы, отъ Богъ-вѣсть какихъ случайностей. Высылая Грибоѣдова, Ермоловъ писалъ барону Дибичу, отъ 23-го января 1826 года:

«Военный министръ сообщилъ мнѣ высочайшую государя императора волю—взять подъ арестъ служащаго при мнѣ коллежскаго ассессора Грибоѣдова и подъ присмотромъ прислать въ С.-Петербургъ, прямо къ его императорскому величеству.

«Исполнивъ сіе, я имѣю честь препроводить Грибоѣдова къ вашему превосходительству. Онъ взятъ такимъ образомъ, что не могъ истребить находившихся у него бумагъ, но таковыхъ при немъ не найдено, кромѣ весьма немногихъ, кои при семъ препровождаются. Если же бы впослѣдствіи могли быть отысканы оныя, я всѣ таковыя доставлю.

¹⁾ Столица Хорасана съ гробницею Имама Ризы († 203 г хиджры, 818 по Р. X.).

«Въ заключеніе имѣю честь сообщить вашему превосходительству, что Грибоѣдовъ, во время служенія его въ миссіи нашей при персидскомъ дворѣ и потомъ при мнѣ, какъ въ нравственности своей, такъ и въ правилахъ, не былъ замѣченъ развратнымъ и имѣеть многія весьма хорошія качества».

V.

Недолго спустя послѣ возвращенія Грибоѣдова въ Грузію, началась Персидская война. Ермоловъ находился въ Тифлисѣ, куда только-что прибылъ съ кавказской линіи, и былъ въ большихъ хлопотахъ. Занятый необходимыми, по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, распоряженіями, онъ, однакоже, имѣлъ въ сборѣ слишкомъ мало войска, чтобы дать отпоръ непріятелю, почти внезапно вторгнувшемуся въ наши границы, и вмѣстѣ съ тѣмъ парализовать враждебное намъ движеніе, которое начало повсемѣстно проявляться въ средѣ обитателей нашихъ мусульманскихъ провинцій за Кавказомъ. Такое положеніе дѣлъ было отнесено въ Петербургѣ къ непредусмотрительности и дурнымъ дѣйствіямъ Алексѣя Петровича и вызвало явное неудовольствіе къ нему императора Николая, которое еще болѣе усилилось вслѣдствіе возникшихъ у него съ генераль-адъютантомъ Паскевичемъ распрей, для прекращенія которыхъ былъ присланъ баронъ Дибичъ, и напослѣдокъ имѣло послѣдствіемъ отозваніе Ермолова изъ Грузіи.

Но Алексѣй Петровичъ еще не успѣлъ выѣхать въ Россію, какъ Грибоѣдовъ уже состоялъ въ распоряженіи Паскевича. Обстоятельство это заставило Ермолова съ грустью замѣтить:

«И онъ, Грибоѣдовъ, оставивъ меня, отдался моему сопернику».

Если въ словахъ этихъ и слышится нѣкоторый укоръ, но, тѣмъ не менѣе, Ермоловъ не переставалъ питать прежнее расположеніе къ бывшему своему подчиненному, котораго, въ послѣднемъ случаѣ, могло достаточно извинить одно уже то обстоятельство, что онъ состоялъ въ родственныхъ отношеніяхъ къ Паскевичу. При всемъ томъ Грибоѣдовъ нисколько не измѣнилъ въ душѣ безграничной преданности къ своему благодѣтелю, сохранивъ ее на всю жизнь непоколебимо.

4-го апрѣля 1827 года, Александръ Сергѣевичъ получилъ отъ графа Паскевича слѣдующее предписаніе:

«Вступивъ въ званіе главноуправляющаго въ Грузіи, предпринимаю вамъ принять въ ваше завѣдываніе всѣ наши заграничныя сношенія съ Турціею и Персіею, для чего имѣете вы требовать изъ канцеляріи и архива всю предшествовавшую по симъ дѣламъ переписку и употреблять переводчиковъ, какіе вамъ по дѣламъ нужны будутъ».

По заключеніи, въ 1828 году, мира въ Тюркмен-чаѣ, Александръ Сергѣевичъ, тогда уже коллежскій совѣтникъ, былъ отправленъ съ мирнымъ трактатомъ въ Петербургъ, куда прибылъ 4-го марта. Спустя съ небольшимъ мѣсяцъ, сдѣлалось извѣстно его назначеніе полномочнымъ министромъ въ Персіи, съ производствомъ въ статскіе совѣтники.

Оставляя Россію, могъ-ли онъ предчувствовать, что болѣе уже ее не увидитъ и что ему, подобно его соотечественнику, Хемницеру, придется сложить кости, хотя и при другихъ обстоятельствахъ, на мусульманскомъ востокѣ.

VI.

Оставивъ Петербургъ, Грибовдовъ, на пути въ Персію, прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, гдѣ ему представлялись, 6-го іюня, Мальцевъ и Аделунгъ, съ которыми онъ, въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца, съѣхался въ Ставрополѣ. Совмѣстное же путешествіе ихъ началось отъ Екатеринограда, гдѣ они имѣли задержку по случаю найма лошадей и ожиданія необходимаго конвоя.

Погода стояла прекрасная. Время близилось къ вечеру. Чтобы чѣмъ-нибудь развлечься, Грибовдовъ, взявъ съ собою Аделунга, отправился полюбоваться прекраснымъ видомъ, открывающимся изъ Екатеринограда на главный Кавказскій хребетъ. Эльбрусъ и горы, по правую отъ него сторону, были въ облакахъ; остальная часть хребта, съ мѣологическимъ Казбекомъ, представлялась во всемъ своемъ величій: снѣжныя вершины, при ослѣпительной бѣлизнѣ, были облиты красновато-золотистыми лучами заходящаго солнца и производили столь чарующее дѣйствіе, что зритель съ трудомъ могъ оторваться отъ этой панорамы. Грибовдовъ былъ

въ восхищеніи и поминутно восклицалъ: «comme c'est beau, comme c'est magnifique!»

«Мы возвратились», говоритъ Аделунгъ, «вдоль Малки, которая здѣсь довольно быстра. Въ этотъ очаровательный вечеръ я еще сильнѣе полюбилъ Грибоѣдова: какъ онъ умѣетъ наслаждаться природою, какъ онъ симпатиченъ и добръ!»

30-го іюня Александръ Сергѣевичъ, въ сопровожденіи конвоя изъ 20-ти линейныхъ казаковъ, выѣхалъ изъ Екатеринограда и на другой день прибылъ во Владикавказъ, гдѣ остановился у своей старой знакомки, полковницы Огаревой. Самого Огарева, обязаннаго, по должности, заботиться объ исправности дороги чрезъ горы, не случилось дома. Хорошая хозяйка была въ большихъ суетахъ, стараясь изъ всѣхъ силъ наилучше принять дорогихъ гостей, и, какъ истая русская, конечно, не преминула отличиться хлѣбосольствомъ.

2-го іюля 1828 г., въ 10 часовъ утра, Грибоѣдовъ двинулся далѣе на наемныхъ лошадахъ, съ платою за пару до Тифлиса 90 р., что, по тогдашнимъ цѣнамъ, было недорого. Отъ Ларса поѣхали верхомъ на казачьихъ лошадахъ; это давало полную возможность насладиться величественными видами окружающей суровой природы.

Утромъ, 3-го іюля, добрались до Казбека, и не дѣлая здѣсь привала, поѣхали въ Коби, откуда на встрѣчу Грибоѣдову выѣхало 10 человекъ грузинъ и казаковъ, имѣя во главѣ начальника горскихъ народовъ, маіора Чилева, съ которымъ, пообѣдавъ въ деревнѣ, Александръ Сергѣевичъ въ тотъ же день отправился далѣе. Начинало смеркаться, когда, верстахъ въ 5-ти отъ Коби, они встрѣтили нѣсколько осетинъ, которые, отозвавъ въ сторону маіора Чилева, стали о чемъ-то съ нимъ перешептываться. Оказалось, что недалеко впереди ихъ выѣхала на дорогу разбойничья партія въ 300 человекъ осетинъ. Грибоѣдовъ настаивалъ-было продолжать путь, но долженъ былъ уступить убѣжденіямъ Чилева и возвратиться въ Коби.

На слѣдующій день онъ достигъ Ананура, гдѣ провелъ ночь въ коляскѣ, такъ какъ на станціи, за множествомъ блохъ, оставаться было невозможно.

Въ Душетѣ, въ домѣ путейскаго полковника, у котораго онъ былъ подчиванъ чаемъ, къ нему явились съ привѣтствіемъ мѣст-

ные чиновники, облекшіеся, по этому случаю, въ полную парадную форму и представлявшіе собою довольно комическіе типы. Приѣхавъ въ Гартискари, Александръ Сергѣевичъ расположился обѣдать на коврѣ, разостланномъ подъ густою сѣнью стараго дуба. На этой станціи, послѣдней на пути его къ Тифлису, онъ былъ встрѣченъ многими выѣхавшими изъ города, верхомъ и на дрожжахъ, чиновниками, число которыхъ, при дальнѣйшемъ его слѣдованіи, все увеличивалось.

Наконецъ, около 9-ти часовъ вечера, Грибовдовъ прибылъ въ городъ и остановился въ домѣ, занимаемомъ графомъ Паскевичемъ, въ нарочно приготовленныхъ для него комнатахъ. На слѣдующій день были тамъ же отведены помѣщенія Мальцову и Аделунгу.

10-е іюля Александръ Сергѣевичъ провелъ у военнаго губернатора, генераль-адъютанта Сипягина, у котораго и обѣдалъ. Въ слѣдующій затѣмъ день онъ присутствовалъ на большомъ завтракѣ, данномъ чиновниками губернаторской канцеляріи, по случаю освященія вновь устроеннаго для нихъ помѣщенія.

Наступило 13-е іюля и Грибовдовъ, въ сопровожденіи Мальцова, отправился въ главную квартиру на свиданіе съ графомъ Паскевичемъ. Въ продолженіи всего пути, его сопровождало, по распоряженію Сипягина ¹⁾, 12 человекъ смѣнныхъ казаковъ, а гумринскому коменданту было предписано—снабдить его до мѣста безопаснымъ конвоемъ, при одномъ орудіи.

Изъ Шулаверъ Александръ Сергѣевичъ писалъ въ графу Паскевичу:

(Переводъ). «Ваше сіятельство. Прибывъ въ Тифлисъ, я хо-

¹⁾ Генераль-адъютантъ Сипягинъ дѣйствовалъ на основаніи слѣдующаго предписанія графа Паскевича, отъ 6-го іюня 1828 года:

«Вашему превосходительству не безызвѣстно, что статскій совѣтникъ Грибовдовъ назначенъ министромъ при тегеранскомъ дворѣ, и я имѣю свѣдѣніе, что онъ въ непродолжительномъ времени приѣдетъ въ Тифлисъ. Зная, сколь большое вліяніе наружное оказательство имѣетъ на здѣшній народъ и въ особенності на персіянъ, я прошу васъ, при приѣздѣ сюда г. Грибовдова, оказать ему всѣ почести, настоящему назначенію его приличныя, тѣмъ болѣе, что молва о нихъ, конечно, дойдетъ и до свѣдѣнія министерства персидскаго. Поелику же есть высочайшая воля, чтобы г. Грибовдовъ, прежде его отъѣзда въ Персію, видѣлся со мною, то я прошу ваше превосходительство, для проѣзда его до мѣста моего пребыванія, приказать снабдить его самымъ безопаснымъ конвоемъ и во время пути оказывать ему всевозможныя пособія.

тѣлъ тотчасъ же двинутся далѣе, чтобы явиться къ вамъ, но неожиданное извѣстіе о заразѣ, распространившейся въ войскахъ командуемаго вами корпуса, объявившее ужасомъ Грузію, поставило меня въ окончательную нерѣшимость. Несмотря на то, я собрался въ главную квартиру, такъ какъ не могъ получить ни отъ генерала Сипягина, ни изъ вашей канцеляріи, какія-либо свѣдѣнія о послѣднихъ сношеніяхъ нашихъ съ Тавризомъ и Тегераномъ. Позднее доставленіе мнѣ кредитивныхъ грамотъ также не могло не поставить меня въ затрудненіе, относительно того, на что рѣшиться; я получилъ ихъ при самомъ выѣздѣ изъ Тифлиса.

«Я пишу къ вамъ изъ Шулаверъ, на полу-пути въ Джелалоглу, который отстоитъ еще довольно далеко отъ цѣли моего путешествія. Испорченныя отъ бывшихъ ливней дороги дѣлаютъ слѣдованіе въ экипажахъ невыносимымъ, а крайній недостатокъ въ подставныхъ лошадяхъ—заставляетъ меня возвратиться въ Тифлисъ. Я не упущу, впрочемъ, отправить мои вещи на вьючныхъ лошадяхъ. Умоляю ваше сіятельство не прогнѣваться за эту проволочку. Имѣя весьма важныя сдѣлать вамъ сообщенія и узнавъ, что ханъ, слѣдующій къ вамъ съ мирнымъ трактатомъ, ратификованнымъ его величествомъ шахомъ, готовъ отправиться къ вашему сіятельству, я прошу васъ остановиться обмѣномъ ратификацій до моего прибытія, которымъ, по всей возможности, постараюсь ускорить.

«Соблаговолите увѣдомить меня во-время, если найдете то удобнымъ, о продолжительности карантиннаго очищенія, которому я долженъ подвергнуться при переѣздѣ черезъ границу, на пути слѣдованія къ мѣсту моего назначенія.

«Примите и пр.»¹⁾

¹⁾ (Подлинникъ). Monsieur le Comte. Arrivé à Tiflis j'ai été sur le point de venir Vous trouver, quand, tout-à-coup, la nouvelle d'une maladie contagieuse, qui s'est propagée dans le corps que Votre Excellence commande, est venue jeter l'effroi en Géorgie, et m'a mis dans la plus grande indécision. J'ai pourtant pris la résolution de venir à Votre quartier général, vu que je n'avais pu tirer aucun renseignement du général Sipiaguin, et qu'il ne se trouvait aucun antécédant à Tiflis, dans la chancellerie de Votre Excellence, sur nos relations les plus récentes avec Tauris et Téhéran. Le retard de mes lettres de créance m'a de même mis dans l'embarras sur le parti que je devais prendre; je les ai reçues, quand je montais en calèche pour me rendre auprès de Votre Excellence.

Au moment que j'ai l'honneur de Vous adresser le présent office, je me

20-го іюля, въ 10-мъ часу пополуночи, Александръ Сергѣевичъ добрался до Джелал-оглу, откуда выѣхалъ того же числа, въ 7-мъ часу пополудни; 22-го онъ былъ въ Гумрахъ, а на слѣдующій день отправился въ главную квартиру подь Ахалцихъ, находившійся въ осадѣ.

VII.

4-го августа, около 6-ти часовъ вечера, Александръ Сергѣевичъ возвратился въ Тифлисъ; 7-го числа провелъ вечеръ у Ховена, а 11-го почувствовалъ себя дурно, причемъ очень жаловался на жару. Нѣсколько дней спустя, онъ оправился на столько, что 22-го августа могъ быть на обѣдѣ, данномъ въ честь его Сипягинымъ.

Вечеромъ того же дня справлялась его свадьба, на которой присутствовали родные его невѣсты и близкіе знакомые въ числѣ не болѣе 50-ти особъ. Вѣнчаніе совершено въ Сіонскомъ соборѣ; въ теченіе всего обряда Александръ Сергѣевичъ былъ въ лихорадкѣ. Изъ собора новобрачные и гости отправились въ особо отдѣланную квартиру, гдѣ былъ сервированъ ужинъ. «Весь городъ,—разсказываетъ Аделунгъ,—сочувствовалъ этому браку; всѣ безъ исключенія любили и уважали Грибоѣдова».

24-го числа у Александра Сергѣевича былъ обѣдъ на 100 приглашенныхъ; съ 6-ти часовъ открылись танцы и продолжались до 11-ти часовъ ночи.

26-е августа приходилось въ воскресенье. Въ этотъ день Сипягинъ устроилъ у себя, въ честь молодыхъ, большой балъ; онъ

---

trouve à Schulavéra, à mi-chemin de Djelal-oglou, ce qui est encore bien loin du but de mon voyage. Les averses ont gâté les chemins, mes équipages ne peuvent bouger, et le manque des chevaux de relai me force de retourner à Tiflis. Je ne perdrai pas de temps pour refaire mes bagages, en remontant tous mes effets sur des chevaux de bât. Je supplie Votre Excellence de ne pas m'en vouloir pour ce retard. Comme j'ai des choses très graves à Lui communiquer et que j'ai eu avis qu'un Khan porteur du traité de paix ratifié de la part de S. M. le Schah est sur le point de venir trouver Votre Excellence, je La prie de ne pas effectuer l'échange des ratifications avant mon arrivée auprès de Sa personne, que je tâcherai d'accélérer autant qu'il me sera possible.

Veillez de même m'informer à temps, si faire se pourra, quel sera le terme de la quarantaine que j'aurai à subir en repassant la frontière, pour me rendre au lieu de ma destination.

Agréez etc.

начался польскимъ и былъ открытъ самимъ хозяиномъ съ ново-брачною. Въ часъ ночи былъ сервированъ великолѣпный ужинъ. Сипягинъ, не садясь за столъ, лично всѣмъ распоряжался, стараясь угодить всѣмъ и каждому. Послѣ ужина танцевали мазурку, а въ 4 часа утра гости начали разъѣзжаться.

Между тѣмъ лихорадка, не покидая Грибоѣдова, продолжала удерживать его въ Тифлисѣ. Наконецъ наступило 9-е сентября— день отъѣзда въ Персію, ознаменовавшійся большими проводами; такъ на примѣръ, при выѣздѣ изъ города играла полковая музыка. Кромѣ тещи, княгини Чавчавадзе, отъѣзжавшихъ сопровождалъ до Эривани докторъ Умисса.

Грибоѣдовъ взялъ направленіе черезъ Коды, Шулаверы, Джелал-оглу и Гергеры на Амамлы. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдняго селенія, въ узкой долинѣ, онъ и его спутники, оставя экипажи и лошадей, медленными шагами своротили въ виднѣвшемуся въ сторонѣ отъ дороги полуразвалившемуся памятнику и недолго спустя, также спойно, хотя и въ глубокомъ раздумьи, возвратились. На лицахъ ихъ отражалась грусть, которая давала понять, что цѣлью ихъ посѣщенія была одинокая могила, въ виду которой они сочли священнымъ долгомъ почтить память чело-вѣка, со славою и съ честью запечатлѣвшаго службу отечеству. И дѣйствительно, подъ жалкими развалинами памятника, среди ничѣмъ невозмущаемой тишины этого захолустья, покоился прахъ безстрашнаго война, увѣковѣчившаго свое имя въ лѣтописяхъ Кавказа: майора Тифлискаго мушкетерскаго полка Монрезора, который, въ Эриванскую экспедицію 1804 года, съ командою во 100 чело-вѣкъ былъ посланъ княземъ Циціановымъ за провіантомъ и здѣсь погибъ. Смерть его была по истинѣ геройская. Когда команда до послѣдняго чело-вѣка оказалась перебитою, неустрашимый Монрезоръ сдѣлалъ по непріятелю три пушечные выстрѣла; но видя что у него уже вышли всѣ заряды, бросился на орудіе, крѣпко его обнялъ и въ этомъ положеніи былъ изрубленъ.

Но вотъ стали приближаться къ Эривани; жители этого города приняли Грибоѣдова съ тѣмъ же восторженнымъ и сочувственнымъ радушіемъ, какое онъ встрѣчалъ повсюду со стороны туземнаго населенія. Далеко за городъ выѣхало около 500 всадниковъ и между ними Мамед-ханъ, Ахмед-ханъ и Паша-ханъ,—

когда-то любимецъ Аббас-мирзы. Завидѣвъ ихъ еще издали, Александръ Сергѣевичъ изъ экипажа пересѣлъ на лошадь и отправился далѣе. Нѣсколько спустя, начались взаимныя привѣтствія, причемъ эриванскій плацъ - адъютантъ, родомъ армянинъ, представляя хановъ, выразился: «эриванское ханье имѣетъ честь» и проч. Бывшіе при этомъ русскіе не могли удержаться отъ смѣха надъ краснорѣчивымъ ораторомъ...

У моста черезъ Зангу, подъ стѣнами города, собралось все тамошнее православно- и армяно-григоріанское духовенство, въ полномъ облаченіи, съ крестами и хоругвями. Александръ Сергѣевичъ слѣзъ съ лошади и приложился ко кресту. Въ городѣ для него была приготовлена квартира въ домѣ Мамед-хана, гдѣ его привѣтствовала полковая музыка.

19-го сентября Ахмед-ханъ устроилъ въ честь Грибоѣдова большой обѣдъ, состоявшій по меньшей мѣрѣ изъ 30-ти блюдъ. На слѣдующій день прибылъ изъ Баязета тестъ Александра Сергѣевича, князь Александръ Гарсевановичъ Чавчавадзе, ¹⁾ не присутствовавшій при бракосочетаніи своей дочери. 25-го у него былъ прощальный завтракъ, послѣ котораго Грибоѣдовъ оставилъ Эривань. Въ первой встрѣтившейся на пути армянской деревнѣ, верстахъ въ 7-ми отъ города, Нина Александровна, супруга Александра Сергѣевича простилась съ родителями, которыхъ ей суждено было скоро опять увидѣть, но, увы! при иныхъ обстоятельствахъ.

Въ деревнѣ Садаракъ Грибоѣдова привѣтствовали нарочно явившіеся туда съ этою цѣлью Курды, и тамъ же его настигъ молодой военный докторъ Мальмбергъ, изъ эстляндскихъ уроженцевъ, имѣвшій порученіе проводить нашу миссію до Тегерана, гдѣ онъ впоследствии тоже былъ убитъ въ числѣ прочихъ.

7-го октября Грибоѣдовъ прибылъ въ Тавризь, ²⁾ гдѣ и оста-

¹⁾ См. о немъ «Русскую Старину», т. VII, стр. 107.

А. В.

²⁾ Надо замѣтить, что Грибоѣдовъ ѣхалъ въ Персію безъ своего главнаго багажа; этотъ послѣдній въ 54 ящикахъ былъ отправленъ черезъ Астрахань, куда прибылъ 1-го сентября 1828 года и затѣмъ, вмѣстѣ съ подарками (въ 95 мѣстахъ) изъ кабинета его императорскаго величества, предвѣщавшимися Фетх-Али-шаху и при которыхъ находились мастеръ стекляннаго завода, Завадскій, и подмастерье Лапшинъ, а также 20 мѣстъ, слѣдовавшихъ къ секретарю англійскаго посольства въ Персію, Кемпбелю, сданы на яхту «Марса», находившуюся подъ командою 45-го флотскаго экипажа лейтенанта Всево-

вался до декабря; 4-е или 5-е число того же мѣсяца было назначено для выѣзда въ Тегеранъ.

Дальнѣйшая судьба Александра Сергѣевича извѣстна ¹⁾.

VIII.

Сообщая эти немногія свѣдѣнія объ Александрѣ Сергѣевичѣ, мы не можемъ забыть и очаровательной его супруги. Нина Александровна Грибоѣдова родилась въ 1812 году и воспитывалась въ домѣ бывшаго командира артиллеріи отдѣльнаго Грузинскаго корпуса генераль-маіора Федора Исаевича Ахвердова († 1820 г.), подъ руководствомъ жены послѣдняго, Прасковьи Николаевны, дочери генераль-маіора Арсеньева, — женщины большого ума, превосходнаго образованія и самыхъ высочихъ добродѣтелей. 16-ти лѣтъ отъ роду Нина Александровна сочеталась бракомъ съ авторомъ «Горя отъ Ума», котораго лишилась менѣе нежели черезъ полгода. Оставшись вдовою, она жила въ домѣ отца, а послѣ смерти его, случившейся 6-го ноября 1846 года, попеременно то въ Кахетіи, въ Цинандалахъ — имѣніи брата ея, нынѣ генераль-маіора свиты его величества князя Давида, то въ Зугдиди, у сестры своей Екатерины Александровны, супруги послѣдняго владѣтеля Мингреліи князя Давида Дадіани. Въ Россіи она была всего два раза: въ 1836 году, по случаю женитьбы брата ея князя Давида, и въ 1856 г., во время коронаціи Императора Александра II.

Впослѣдствіи Нинѣ Александровнѣ представлялось нѣсколько случаевъ вступить въ новый бракъ, но, отказывая искателямъ ея руки, она до самой смерти осталась вѣрна первой любви.

Нина Александровна скончалась отъ холеры въ 1857 году и погребена въ Тифлисѣ, въ томъ же самомъ склепѣ при монастырѣ св. Давида, гдѣ повоится прахъ Александра Сергѣевича. Какъ женщина, въ лучшемъ значеніи этого слова, она, своимъ характеромъ и высочими качествами души, снискала общее къ

ложскаго, для доставленія ихъ въ Энзели, гдѣ все это должно было быть сдано ожидавшему тамъ русскому чиновнику.

А. В.

¹⁾ Смотри въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г. (т. VI, стр. 163—207), весьма обстоятельную, по подлиннымъ документамъ составленную А. П. Берже, — монографію: «Смерть А. С. Грибоѣдова».

Ред.

себѣ расположеніе и уваженіе. Руководимые этими именно чувствами, мы сочли долгомъ почтить печатнымъ словомъ память лучшаго друга незабвеннаго Грибовдова—этой яркой и никогда неимѣющей померкнуть звѣзды на небосклонѣ отечественной литературы.

Ад. П. Верже.

Замѣтка о годѣ рожденія А. С. Грибовдова.

Въ біографическомъ очеркѣ, помѣщенномъ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1874 г., т. X, стр. 153, сказано, что Александръ Сергѣевичъ родился въ Москвѣ 4-го января 1795 г., и тутъ же, въ примѣчаніи объясняется, что въ книгѣ г. Серчевскаго: „А. С. Грибовдовъ и его сочиненія“ и въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара, рожденіе А. С. Грибовдова ошибочно относилось къ 1793 и 1794 гг. Въ примѣчаніи къ тому же очерку, продолжаемому въ „Русской Старинѣ“, за іюнь мѣсяцъ, указывается на „Р. А.“ (1874, тетр. 6), что г. Лонгиновъ (въ „Современникѣ“ 1857) говоритъ, что А. С. Грибовдовъ родился въ 1795 году, 5-го января; а наиболее невѣрнымъ является показаніе формулярнаго списка А. С. Грибовдова, напечатаннаго въ „Р. А.“ 1872 г., составленнаго въ 1829 г., и показывающее Грибовдову 39 лѣтъ; слѣдовательно, Грибовдовъ, по послѣднему документу, родился въ 1790 г.

Для устраненія разнорѣчій въ показаніяхъ о годѣ рожденія Александра Сергѣевича Грибовдова, мы обращались къ церковнымъ метрическимъ книгамъ городѣ Москвы, сохраняющимся въ архивѣ Московской консисторіи съ 1777 г. При тщательномъ розыскѣ записи рожденія Александра Сергѣевича Грибовдова въ приходахъ московскихъ церквей, по метрическимъ книгамъ, съ 1790 по 1796 г., не оказалось. Къ сожалѣнію, метрическія книги нѣкоторыхъ церквей за показанные годы, впрочемъ, весьма немногіе, по случаю непріятельскаго нашествія, въ 1812 г., въ архивѣ консисторіи не сохранились. Могло быть и то, что запись рожденія Александра Сергѣевича Грибовдова, вошла въ метрическія книги какой-либо церкви военнаго, а не епархіальнаго вѣдомства, такъ какъ родитель его былъ по службѣ военнаго вѣдомства.

Но съ утвердительною можно объяснять, что въ 1790 г. рожденія А. С. Грибовдова еще не было; потому что мать его, Настасья

Федоровна, въ 1790 г. была еще въ дѣвцахъ. По исповѣднымъ вѣдомостямъ города Москвы Николаевской, на Пескахъ, церкви, съ давняго времени значился домъ отца Настасьи Федоровны, статскаго совѣтника Федора Алексѣевича Грибоѣдова; а въ 1790 г. въ этомъ домѣ показана мать ея, вдова, статская совѣтница Марія Ивановна Грибоѣдова 52-хъ лѣтъ; при ней дѣти: дѣвцы Анастасія—22-хъ, Анна 15-ти лѣтъ — Федоровны. Да и въ біографическомъ очеркѣ „Русской Старины“, 1874 г., т. X, стр. 153, бракъ родителей Александра Сергѣевича, Сергѣя Ивановича и Настасьи Федоровны, относится къ 1793 г. Впрочемъ, записи и о бракѣ родителей А. С. Грибоѣдова, въ метрическихъ книгахъ московскихъ церквей, не оказалось.

По исповѣднымъ вѣдомостямъ московскихъ церквей, семейство Грибоѣдовыхъ, въ которомъ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ значится записаннымъ, въ первый разъ встрѣчается въ 1805 г., въ приходѣ церкви св. Девяти Мучениковъ, близъ Прѣсни. Здѣсь былъ домъ матери его, Настасьи Федоровны, и записано такъ: „секундъ-маіора, Сергѣя Ивановича Грибоѣдова, жена, Настасья Федоровна, 37-ми л.; дѣти ея: Марія—12-ти, Александръ—10-ти лѣтъ“. Съ того 1805 г., въ томъ же видѣ, семейство Грибоѣдовыхъ писалось ежегодно по исповѣднымъ вѣдомостямъ, съ прибавленіемъ членамъ семейства года. Въ 1815 г. Настасья Федоровна значится вдова, и показаны при ней дѣти, съ прибавленіемъ ихъ отчества, какъ-то: Марія Сергѣевна—22-хъ и Александръ Сергѣевичъ—20-ти лѣтъ. Съ 1817 г. въ семействѣ вдовы Н. Ф. Грибоѣдовой, сына Александра не значится, а показана одна дочь Марія; съ 1828 г. не значится болѣе и дочери. Настасья Федоровна Грибоѣдова значится владѣтельницею дома до 1833 г.

По вышеизложеннымъ записямъ въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ, оказывается, что показаніе г. Лонгинова, принятое „Русскою Стариною“, о рожденіи Александра Сергѣевича Грибоѣдова въ 1795 г. вполне достоверно.

По объясненію біографическаго очерка, помѣщеннаго въ „Русской Старинѣ“, мать А. С. Грибоѣдова, Настасья Федоровна, скончалась въ 1833 г.; но записи о смерти ея въ метрическихъ книгахъ Девятинской, близъ Прѣсни, церкви, не находится; вѣроятно, она скончалась въ другомъ мѣстѣ. Въ 1834 г., домъ Настасьи Федоровны Грибоѣдовой перешелъ во владѣніе московскаго вупца Ивана Федорова Сидѣльниковца. Отъ Сидѣльниковца домъ перешелъ во владѣніе почетнаго гражданина Василія Ильича Ускова, который домомъ владѣлъ донынѣ.

По словамъ обывателей, домъ этотъ находится въ прежнемъ видѣ, когда въ немъ жилъ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, а именно:

домъ имѣеть два этажа и антресоли; нижній этажъ каменный, верхній—деревянный, оштукатуренный. Стоитъ онъ на красивомъ мѣстѣ, — на углу Новинскаго и Большаго Девятинскаго переулковъ, — фасомъ на двѣ улицы. Въ этотъ домъ, въ матери убитаго въ Персіи А. С. Грибовдова, въ 1828 г., проездомъ изъ С.-Петербурга, приѣзжалъ внукъ персидскаго шаха, Хозрев-мирза.

Сообщ. Н. П. Розановъ.